

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

СИРЕНЕВЫЙ ВЕТЕР
ПАРИЖА

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Оформление серии *Елены Окольциной*

Редактор серии *Анна Антонова*

Вербинина, Валерия.
В31 Сиреневый ветер Парижа : роман / Валерия Вербинина. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Французский шарм. Лучшие детективы).

ISBN 978-5-04-099536-3

Скромная учительница французского Вероника Бесонова предвкушала поездку в Париж в обществе любимого человека, но приятного путешествия не получилось — вскоре после приезда она очнулась в багажнике незнакомой машины. Парень, который угнал авто у владельца и выпустил пленницу, заявил, что знает, кто она такая... Вернувшись в гостиницу, Вероника не поверила своим ушам: она якобы недавно побывала здесь и забрала свои вещи, а ее спутник бесследно исчез. Потом последовали покушения на ее жизнь... Как выяснилось, одна известная всему криминальному миру преступница решила исчезнуть, оставив вместо себя двойника — удивительно похожую на нее Веронику. Казалось бы, теперь у беззащитной учительницы нет шансов на спасение! Однако вскоре у нее появляется персональный ангел-хранитель...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099536-3

© Вербинина В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

*Этот роман является вымыслом
от первого до последнего слова.
Все персонажи, имена, действия и разговоры
придуманы автором.
Любые совпадения с реальностью —
не более чем случайность.*

ГЛАВА 1

Нет лучше отдыха, чем бессознательное состояние.

*Морис Леблан.
Графиня Калиостро, IV*

Что это, что это, что это? Скажи, скажи, скажи. Голоса, звуки, музыка — все сливается в бессвязный гомон, плывет, волнами невнятицы перекачивается через меня. Да, это тело, которое я едва ощущаю, — мое; внезапно я начинаю задыхаться, сердце частит так, будто хочет вырваться из груди, я хватаю ртом воздух, и дикий, нечеловеческий ужас захлестывает меня. Я умираю... Нет, не умираю: сердце бьется уже не так испуганно, спазм в горле прошел, и я больше не хриплю надсадно, судорожно заглатывая живительный кислород. Перед лицом маячит пестрое месиво: пятно темное, пятно светлое, пятно красное. Глаза... Не знаю как, но я чувствую, что на меня смотрят. Что-то испод-

воль проясняется в окружающем мире, и красное пятно превращается в футболку с неразборчивой надписью. Я смотрю на эту надпись и понимаю, что не понимаю ничего.

Первый голос в вышине — ярость, страх, раздражение — произносит:

— Ну конечно, она мертва, черт побери!

«Она» — это, вне всяких сомнений, я, хотя в это мгновение я уже знаю (почти наверняка), что говорящий ошибается насчет моего состояния. В сущности, я на него не в обиде. Я слышу, следовательно, существую, и никто на свете не убедит меня в обратном. Музыка врывается в мои уши. Я перевожу взгляд и замечаю, что красная футболка несет на плече длинный, как удав, магнитофон. Он ревет, изрыгая судорожный речитатив под музыку — рэп. Никогда не любила рэп, но, согласитесь, это все-таки лучше, чем похоронный марш Шопена. Значит, я и впрямь жива, но есть вопрос, который в данный момент больше всего интересует меня: насколько?

— Надо же было так подставиться! — насмешливо рокошет второй голос. — Спереть тачку со свеженьким трупом! Ничего умнее вы не могли придумать, а?

Я открываю рот и хриплю, энергично протестуя против того, чтобы меня записывали в покойники.

— Дидье! Да она живая! — вопит тот, кого я для себя определила как светлое пятно. Теперь оно стало немного четче. Это парень лет восемнадцати, чем-то неуловимо смахивающий на ягненка. У него золотистые волосы и такой же пушок над верхней губой. Честно говоря, приятно увидеть такое лицо, возвращаясь с того света.

— Ты что, сдурел? — огрызается первый на замечание того, кого я окрестила «ягненком».

— Она шевелится! — упорствует он, оборачива-

ется к «футболке» и орет, перекрывая рев музыки: — Эй, Тиаго! Вырубай свою шарманку!

Тиаго бросает ему какие-то слова, которых я не разбираю. Только тут я замечаю, что весь разговор идет по-французски.

Конечно! Ведь я в Париже, как я могла об этом забыть? Сегодня пятница, я прилетела сюда вместе с Денисом, и это мое первое путешествие во Францию, потому что раньше я бывала только в Греции и Испании. Нет слов, Греция — очень приятная страна, и Испания не хуже, но я всегда мечтала именно о Франции, и наконец-то все спослось как надо, и Денис смог выкроить время, и у нас были действующие визы еще с прошлой поездки. Париж оказался именно таким, каким я хотела его видеть, — волшебным, солнечным, искрящимся, по Сене плыли кораблики, набитые туристами, на бульварах цвели каштаны, и мне казалось, что вокруг меня оживают легенды, которыми в моем воображении оброс этот чудесный, почти что сказочный город. Мы оставили наши вещи в гостинице, а потом...

Потом в моей памяти зиял провал, и, как ни старалась, я не могла соединить концы с концами и связать прилет, каштаны, зеленые воды Сены с нависшими над ними мостами, свое утреннее упоение, знакомое всякому, чья давняя мечта сбывается, и мое нынешнее жалкое состояние.

Что происходит?

Где Денис?

И как, черт возьми, мне теперь выпутываться из всего этого?

Лежать было ужасно неудобно. Собственно говоря, я только сейчас заметила, что лежу на боку, скрючившись в неестественной позе. Я шевельнулась, и боль шевельнулась вместе со мной. Она

молнией вспыхнула в теле — и угасла, но я не смогла удержать стона.

— Похоже, она живая, — бормочет неуверенный голос надо мной.

Я с усилием приподнимаю голову. Этого я еще не видела. Шуплый подросток с бледным настороженным лицом смотрит на меня как на привидение. Музыки больше нет, музыка умерла. Я даже не заметила, как она умолкла.

— Что делать-то будем? — раздраженно спрашивает первый.

Тиаго — тот, что в красной футболке, — насмешливо фыркает и сплевывает себе под ноги. Четверо остальных застыли в растерянности. Их контуры расплываются, поэтому, чтобы успокоиться и справиться с мыслями, я закрываю глаза.

Этот запах... Запах кожи и бензина с привкусом пыли. Черт возьми, где же я? Во что я вообще вляпалась?

Я открываю глаза, осторожно пробую пошевелиться — и стукаюсь головой обо что-то металлическое.

— Надо бы с ней поговорить, — произносит второй голос.

Я скашиваю глаза на его обладателя. Насмешник, пару минут назад обозвавший меня «свеженьким трупом», похоже, самый старший в этой компании.

— Вот ты и говори, — бурчит первый.

Насмешник откашливается.

— Мадемуазель! — торжественно начинает он. — Не угодно ли вам...

Тиаго прыскает. Он снова врубает свой магнитофон, но тихо. Удав урчит, вполголоса изрыгая рэп.

И тут я внезапно слышу чей-то чужой, далекий,

надтреснутый голос, с усилием выговаривающий французские слова:

— Где я?

Они изумленно переглядываются. Господи, неужели это произнесла я? По их лицам я вижу, что да.

— По-моему, она не в себе, — замечает первый с некоторой опаской и, подкрепляя свои слова жестом, выразительно стучит пальцем по виску.

Ягненок пожимает плечами.

— Если бы тебя оглушили и засунули в багажник...

Запах бензина. Металл. Теснота. Вот, черт возьми, что это значит! Я не могу сдержать дрожи. Крышка багажника нависает надо мной точь-в-точь как крышка гроба.

— Надо ее вытащить оттуда, — решительно говорит Ягненок.

Он протягивает мне руку, его примеру с секундным опозданием следует Насмешник, который давится фыркающим хохотком. С их помощью я кое-как поднимаюсь и, собрав свои члены (как написал бы член Союза писателей), вылезая на свет божий. Но ноги у меня подкашиваются, и, когда я чувствую, что стою на твердой земле, силы покидают меня. Я шатаюсь и хватаюсь за плечи Ягненка. Со стороны, наверное, это выглядит смешно. Тиаго прыскает.

— Это ваша тачка? — спрашивает неприязненно первый, вихрастый широкоплечий Дидье, который в их банде, очевидно, считается за главного.

Я оглядываюсь через плечо на ту самую *bagnole*¹, о которой идет речь. Машина как машина — черная, не то чтобы новая, но и не слишком старая.

¹ Машина, «тачка» (франц. жаргон).

Я ее вижу впервые в жизни и отрицательно качаю головой.

— Нет... Это не моя.

Главарь переглядывается с Насмешником. Оба озадачены и даже не пытаются этого скрыть. По совести, мне бы тоже следовало удивиться, но мне настолько плохо, что на какие-то эмоции просто не остается сил.

— Ну и ну! Вам, можно сказать, повезло! — замечает Насмешник. — Если бы не Роже, этот маньяк за рулем точно бы что-нибудь с вами сделал.

— Заткнись, — блеет тщедушный Роже, до этого почти не подававший голоса. — Может, она из полиции? Может, это вообще ловушка? Лично я сматываюсь отсюда.

— Ну да, — фыркает Насмешник, — легавым надоело, что мы угоняем машины, и они на всякий случай засунули по флику¹ в каждый багажник. Откуда они могли знать, что ты сопрешь именно эту тачку? Ведь ты и сам не знал этого!

Роже разводит руками.

— И потом, посмотри на нее, — добавляет Ягненок, — какой из нее легавый? На ней лица нет.

Я чувствую, что более-менее сносно держусь на ногах, и спешу убрать руку с его плеча. Итак, положение мало-помалу проясняется. Кто-то оглушил меня и засунул в багажник. Из последовавшей короткой перепалки Главаря, Насмешника и Роже я выяснила, что Ягненок и Роже сначала собирались украсть другой автомобиль, но Роже завозился, и тогда Ягненок посоветовал угнать машину, припаркованную по соседству. С ней возни оказалось гораздо меньше, и ребята пригнали свою добычу сюда. После чего открыли багажник и, к своему немалому изумлению, обнаружили в нем

¹ Флик — полицейский, легавый (*франц. жаргон*).

меня. Получается, что банда юных угонщиков спасла мне жизнь, потому что трудно поверить, что кто-то мог засунуть мою скромную персону в багажник с благими намерениями.

— Все это не лезет ни в какие рамки, — бурчит главарь Дидье, не глядя на меня.

Я с ним полностью согласна. У меня немного кружится голова, и я прислоняюсь к машине. Ягненок ободряюще улыбается. Я пытаюсь улыбнуться в ответ, но боюсь, что это выходит у меня из рук вон плохо.

— Что будем делать с тачкой? — осведомляется Насмешник деловито.

— Не знаю. — Дидье бросает на меня хмурый взгляд.

Молчание — золото, но в некоторых ситуациях оно катастрофически обесценивается.

— Послушайте, — говорю я ему, и голос мой еще мелко дрожит от пережитого потрясения, — я не знаю, кто вы, и вы не знаете меня, но, как бы то ни было, я вам очень благодарна. — Мне не хватает дыхания, но я все же быстро договариваю: — За то, что вы сделали для меня. Я хочу сказать, я не понимаю, что со мной произошло, то есть я совсем не помню, но думаю... наверное, меня хотели убить или что-то в этом роде. А вы мне помогли, да что там — вы мне жизнь спасли, и если вы решили, что я захочу на вас донести полиции, то это вы зря.

— Но вы же обратитесь к ним из-за того, что с вами произошло, — влезает Роже, исподлобья глядя на меня. — И вам придется рассказать им все.

Я представляю себе, как вихрем влетаю в кабинет полицейского комиссара и сразу же, с порога, выкладываю все начистоту:

— Месье! На меня напали, меня оглушили, за-
сунули в багажник и вообще! На мою жизнь поку-

шались! Я требую справедливости! Да здравствуют свобода, равенство и братство!

«Чепуха полная», — кисло подумает воображаемый комиссар. Да и какой-нибудь вполне реальный инспектор, поставленный принимать заявления граждан, тоже вряд ли придет в восторг от случившегося. И хотя я вполне сносно говорю по-французски, потому что изучала его в школе и потом в университете, нам вряд ли удастся найти общий язык. Я чужая, чужая, чужая в этой стране, куда прибыла всего на восемь дней с визитом отнюдь не государственной важности. Тратить время на то, чтобы объясняться с представителями закона, вместо того чтобы гулять по Лувру, посетить Сент-Шапель, подняться на Эйфелеву башню, покататься на кораблике по Сене... И ведь не факт, что в конце концов мне не заявят, что я сама каким-то образом виновата в том, что со мной приключилось. Это очень удобная точка зрения для властей, и не только наших, поверьте.

А если уж быть откровенной до конца: на кой, интересно, французской полиции сдалась несчастная русская туристка, которую кто-то хотел умыкнуть? У них и без того своих забот хватает.

— Я не думаю, что пойду в полицию, — после небольшого колебания сознаюсь я. — Дело в том, что...

Я умолкаю, пытаюсь подобрать слова, которые могли бы успокоить моих друзей-угонщиков. Неожиданно я ловлю на себе сочувственный взгляд Ягненка. Не знаю почему, но он вызывает у меня больше симпатии, чем остальные.

— Не дави на нее, — говорит он Дидье.

— Я не давлю. — Дидье неуклюже поводит своими широкими плечами. — Значит, вы не против, если мы заберем тачку?

Это становится забавным, но я поспешно прячу улыбку.

— Да ради бога!

— Вот и прекрасно, — замечает Насмешник.

Ягненок заглядывает в багажник, достает откуда какой-то предмет и оборачивается ко мне.

— Ваша сумка, мадемуазель. Вы ее забыли.

Я с удивлением смотрю на него, потом перевожу взгляд на то, что он держит в вытянутой руке. Нет, это не моя сумка. Я люблю сумки миниатюрные, абсолютно непрактичные, в которые ничего, кроме кошелька и ключей, не поместится, — а эта объемистая и, судя по всему, отнюдь не пустая. Моя сумочка к тому же новехонькая, из кожи цвета кофе с молоком, а эта черная, старая, с потертыми углами. Мне, однако, не хочется обижать славного парня, и я молча беру сумку. Она оказывается тяжелее, чем я предполагала. Неожиданно мне приходит на ум, что эта сумка может иметь отношение к человеку или людям, которые меня похитили, но я подавляю в себе искушение немедленно начать копать в ней. Потом, когда я выберусь отсюда. И, кажется, я готова пересмотреть свои взгляды на возможность общения с местной полицией.

Тиаго недалеко от нас снова врубает магнитофон на полную мощность и сам с собой пританцовывает на песке. Я оглядываюсь и впервые замечаю, что уже наступил вечер. Место, где я нахожусь, вполне заслуживает названия «помойка». Это захламленный пустырь на задворках бедного квартала, застроенного дешевыми однотипными домами, где ютятся люди, которые перебиваются как могут, и не всегда законными методами. Многие из них — мигранты, которые были вынуждены покинуть свою страну в поисках работы, и я готова поклясться, что родители обладателя португаль-

ского имени Тиаго приехали из солнечной Португалии вовсе не из-за того, что там испортилась погода.

Мои мысли прерывает Дидье, который подошел ко мне вплотную и что-то говорит, но я не могу сосредоточиться на словах, которые он произносит. Потеряв терпение, он встряхивает меня за плечи.

— Эй, вы! Зарубите себе на носу: вы нас не знаете, не видели и слыхом о нас не слыхивали. Ясно? Не то я живо с вами разберусь!

Все понятно: ему надо показать свой авторитет перед остальными. Я послушно киваю, показывая, что все поняла и вовсе не собираюсь лезть на рожон.

— Можно спросить? — решаюсь я.

— О чем?

— Где я нахожусь? Что это вообще за место?

— Э, нет, так дело не пойдет! — возражает Дидье. — Мы тебя вытащили, так что теперь выкручивайся сама, крошка.

Какая я крошка? Ему лет двадцать, может быть, двадцать два, а мне уже стукнуло двадцать семь. Впрочем, во Франции могут назвать крошкой и в сорок лет, и ничего обидного в этом слове для них нет.

Насмешник уже сидит за рулем и строит мне гримасу. Я вяло улыбаюсь ему. Тиаго выключает магнитофон и прыгает на заднее сиденье, Роже забирается следом.

— По крайней мере, это Париж? — спрашиваю я удаляющуюся спину Дидье.

— Лучшая помойка во всем Париже! — отвечает он гордо. Надо отдать должное французам: они никогда не боятся называть вещи своими именами.

— А метро тут есть? Поезд? Автобус? Что-нибудь?

— Я не гид! — кричит он, усаживаясь рядом с Насмешником. — Пока, детка, и держись подальше от маньяков!

Сидящие в машине разражаются хохотом.

— Вам надо в метро? — спрашивает меня Ягненок.

Он единственный остался рядом со мной на этой загаженной свалке. Я утвердительно киваю. Метро и в самом деле мне не мешает — я вспомнила название нашей гостиницы и то, что она находится в пяти минутах ходьбы от одной из станций, это было написано еще в Интернете, когда мы заказывали номер.

— Эй, Ксав! — орет Дидье, высовывая голову наружу. — Ты чего там копаешься? Пошевеливайся, Азиз нас заждался! Я обещал ему пригнать тачку к восьми, а сейчас уже почти девять.

Машинально я вскидываю левую руку, чтобы взглянуть на свои часы. То, что я вижу, настолько выбивает меня из колеи, что на какое-то время я напрочь теряю способность рассуждать. Часов на моей руке нет. Вместо них выше запястья находится сложная пестрая татуировка в виде браслета из переплетающихся линий и тщательно выведенной надписью поверх них. Кожа вокруг татуировки покраснела и отчаянно саднит.

Я столбенею. Я никогда не делала татуировок, слышите? Никогда! Откуда же она могла взяться?

Похоже, что я действительно стала жертвой какого-то извращенца. Сначала он оглушил меня, потом сделал на руке татуировку. Рисунок очень красивый, мастерски выполненный — вряд ли его могли сделать за пять минут. И что же, все это время я так и была в отключке?

И тут Шерлока Холмса осенило. Меня осенило, хотя и с опозданием. Это жуткое ощущение, когда я приходила в себя, ощущение, что ты находишься